

От редактора рубрики

В австралийском г. Сиднее есть памятники двум известным людям – английскому капитану Джеймсу Куку и российскому антропологу Николаю Миклухо-Маклаю. Памятник нашему соотечественнику многим скромнее, но это сути дела не меняет. Два этих человека немало сделали для открытия обширнейшего региона планеты, – Океании, – один как путешественник, другой как ученый. Благодаря их дневникам интерес к Южному морю когда-то зародился и у автора этих строк. Что же такое Океания? Данный термин нередко стоит в сочетании "Австралия и Океания", когда речь идет о географическом (отчасти геополитическом) районировании земного шара. Мы сознательно исключаем из этой пары Австралию и в настоящем выпуске хотели бы поговорить именно о "тысячеостровном" мире. Расположен он в центральной и западной частях Тихого океана, между субтропическими широтами Северного и умеренными Южного полушарий Земли. Океания – это 1,26 млн. кв. км суши, что составляет всего лишь 0,7% акватории Великого океана. С лёгкой руки французского мореплавателя Дюмона Дюрвиля её делят на три субрегиона – Меланезию, Микронезию и Полинезию. Данный выпуск, – плод усилий российских ученых (антропологов и лингвистов) из Москвы, Санкт-Петербурга и Владивостока, – задумывался как срез актуальных проблем российской океанистики, поэтому мы постарались, чтобы, по крайней мере, одна статья выпуска была посвящена одному из трёх субрегионов Океании. Оговоримся, что выпуск не исчерпывает и сотой доли тем и сюжетов океанистики. Однако есть ли таковая в России? С уверенностью можно сказать, что есть. "Только не заставляйте нас снова оправдываться в собственном существовании" – просил меня один из авторов. С удовольствием не буду этого делать!

Перед тем, как остановиться на кратком обзоре представленных работ, позволим себе дать справку для тех наших читателей, которые имеют об Океании лишь поверхностные представления. От полуострова Аляска до Новой Зеландии расположилось большое количество котловин окраинных морей, глубоководных океанических желобов (Тонга, Кермадек, Бугенвильский), которые образуют геосинклинальный пояс, характеризующийся активным вулканизмом, сейсмичностью и контрастным рельефом. Климат островов Океании определяется преимущественно пассатами, поэтому на большинстве из них выпадают обильные осадки. Среднегодовое количество осадков варьирует от 1500 до 4000 мм., хотя на некоторых островах (в частности, из-за особенностей рельефа и на подветренной стороне) климат может быть более засушливым или более влажным. Большинство островов подвержено губительному воздействию природных катаклизмов: вулканических извержений (Гавайские острова, Новые Гебриды), землетрясений, цунами, циклонов, сопровождающихся тайфунами и сильными дождями, засух. Многие из них ведут к существенным материальным и человеческим потерям. Почвы вулканических островов более плодородны, и в целом, материальный уровень, некогда достигнутый их обитателями, был выше уровня жизни

немногочисленных насельников коралловых островов.

Формирование флоры происходило из азиатского (малезийского), американского и антарктического центров. На островах восточной части особенно много эндемиков (на Гавайских островах до 90% эндемичных видов), в то же время с удалением на восток уменьшается количество видов, родов и семейств растений (на Новой Гвинее – свыше 6800 видов, на Гавайских островах – 1100). Растительность вулканических островов крайне разнообразна, а вот на коралловых атоллах она значительно беднее. Отметим также, что растительный покров Океании сильно изменен человеком, особенно со времени колонизации. Фауна Океании носит преимущественно островной характер и представлена главным образом странствующими видами, завезенными человеком, перенесенными на острова плавником, ветром, течениями. Характерно почти полное отсутствие млекопитающих и обилие птиц, хотя на восточных архипелагах заметно меньше наземных птиц, особенно певчих. Много эндемиков, но сравнительно мало древних реликтовых животных. На западе фауна богаче, чем на востоке, где отсутствуют пресноводные рыбы и черепахи; восточнее Соломоновых островов почти нет наземных млекопитающих (не считая мышей и крыс), змей. Как и в случае с флорой, наиболее бедна фауна атоллов. Всё это влияло на человеческую деятельность, как в древности, так и в наши дни.

Океания притягивает исследователей из разных стран не только ввиду своей экзотичности, океанистика ставит перед учеными массу вопросов. Давно подмечено, что этот островной мир был уникальным полигоном для формирования различных адаптивных стратегий к природному и социальному окружению. В контактных зонах (крайних точках так называемых "северного" и "южного" мостов – микронезийского и меланезийского "трактов", и на границах больших областей внутри собственно Океании) происходило смешение различных материальных и духовных культурных практик. Меланезия (за исключением меланополинезийских контактных зон, таких как, например, о. Ротума и т.п.) заселена преимущественно народами, говорящими на многочисленных папуасских языках. Эта часть была рано освоена человеком (около 30 тысяч лет назад). Впоследствии негроидная струя была "разбавлена" протомеланезийцами, выходцами из Юго-Восточной Азии (около 6 тысяч лет назад). На рубеже нашей эры началось активное проникновение человека в Полинезию, данный поток иссяк лишь после 1200 г. н.э. Вообще в миграционных маршрутах условно можно выделить два направления – "через и в" Микронезию (далее до Полинезии) и "через и в" Меланезию также до Полинезии. Около нашей эры сформировались основные очаги протополинезийской общности (древние тонганская и самоанская культуры), представители которой двинулись далее на Восток. Это движение хорошо очерчено исчезающим ареалом носителей лапидоидной керамической традиции, которая сходит на нет к востоку от Самоа. Вероятнее всего через острова Общества и Маркизы этот поток хлынул в окраинные районы Полинезии – на северо-восток до Гавайев, на юго-запад до Новой Зеландии и на юго-восток до о. Пасхи. Сегодня нельзя полностью исключать и возможные спорадические контакты восточных окраин Полинезии с американскими культурами.

Полинезия является тем районом, где синтез археологических и лингвистических исследований дает особенно хорошие результаты. Сегодня нам в общих чертах известны маршруты миграций древних полинезийцев и их языковые контакты. По мнению американского ученого П. Кирха, сопоставление археологических данных с лингвистической моделью Р. Грина, послужило в своё время мощным толчком к построению возможных сценариев заселения региона. Конечно, в наши дни, с

появлением новых археологических данных и развитием языковой компаративистики, не все положения Грина выглядят убедительно, но плодотворность такого синтеза несомненна. Основным спорным моментом в классификации восточнополинезийских языков является положение гавайского. Первоначально он был отнесен к таитянской подгруппе, но позднее возобладала точка зрения о его принадлежности к маркизской подгруппе. Последний раз аргументация в пользу этой точки зрения предлагалась в работе Дж. Марка "Topics in Polynesian Language and Culture History" (2000) и основывалась на спорадических звуковых изменениях, затрагивающих отдельные слова. В статье В.И. Беликова оспариваются доводы Дж. Марка и доказывается что лексические инновации, разделяемые отдельными языками, с большим успехом могут считаться результатом многочисленных языковых контактов.

Примерно с XVI в. н.э. на так называемых "высоких" (вулканических) островах Полинезии, таких как Тонга, Таити, Гавайи начинают складываться "квазигосударственные" политические объединения или как их еще называют сложные вождества. По мнению Т. Эрла, самым ярким примером здесь могут служить Гавайские острова. В сложных многоуровневых политиях Полинезии обычный для региона ранговый порядок организации принимал крайние формы, при этом на первый план выходило "сегментное" ранжирование отдельных политических кланов, ведущих острую борьбу за контроль над материальными и духовными ресурсами. Однако внешне и на уровне доктрин новые правители старались выглядеть ревнителями старины. Не случайно, что распространенные в Океании представления об имперсональной силе мана и связанных с нею ритуальных запретах табу, использовались для легитимации власти. Этим и другим аспектам традиционной политической культуры гавайцев посвящена статья Ю.В. Латушко.

Любопытно, что гавайские предания объясняли строгость системы табу и само её существование заимствованиями с островов Общества (самым известным островом группы являются Таити). В литературе даже бытует мнение, что о. Раитатеа выступал в роли своего рода восточнополинезийского оракула, был религиозным центром. Работа А.В. Козьмина представляет собой публикацию таитянского текста с комментариями. Текст использовался в ритуале изгнания божества покровителя локальной группы. В связи с комментированием текста автором рассматриваются проблемы репрезентации сверхъестественных сил в полинезийских культурах.

В быту микронезийцев главное место занимали суда – лодки. На ряде микронезийских островов также встречаются мегалиты. Особый интерес вызывает памятник Нан-Мадол, известный как "микронезийская Венеция". Это целый город на воде, в лагуне на острове Понапе, где на искусственных островках выстроены каменные сооружения. Именно этой загадке посвящена статья А.И. Лебедевой. Автор оценивает древние мегалитические комплексы Каролинских островов в контексте паттернов микронезийской культуры и задается целым рядом неспроста вопросов. Кто, с какой целью и как воздвиг этот и подобные ему рукотворные острова? Ответы на них могут помочь в изучении миграций древнего населения Микронезии, культурных контактов островитян и служить ключом к пониманию микронезийской культуры в целом.

В отличие от полинезийцев и микронезийцев, меланезийцы не были так привязаны к морю, они были скорее жителями суши. Этот регион наиболее пёстр с точки зрения языковых, территориальных и иных аспектов. В антропологической литературе, благодаря работам классика британской социальной антропологии Б. Малиновского, хорошо известен такой меланезийский народ как тробрианцы. К их примеру

особенно часто обращались исследователи престижной экономики, да- рообмена и других форм политэкономии традиционных и архаических обществ, а также исследователи такой классической для социальной ан- тропологии темы как родство. Очевидно, что любая система терминов родства (СТР) теснейшим образом связана с социальной организацией и может, образно говоря, служить ключом к замку культурного кода того или иного общества. На тробрианском примере П.Л. Белков обращает внимание читателя на тот факт, что в ходе изучения данного вопроса возникла парадоксальная ситуация, при которой вместо расшифровки СТР посредством изучения и фиксации внелингвистической реальности родства, исследователи стали заниматься реконструкциями этой реаль- ности, исходя из тождества / различия самих терминов родства. На при- мере классификационной СТР тробрианцев (отличной от привычной для большинства европейских народов и понятной нам линейной СТР) автор предлагает механизм построения изоморфных самой изучаемой реальности схем родства и заставляет нас по-новому взглянуть на СТР жителей Тробрианских островов.

Сегодня в силу самых разных исторических причин значительная часть традиционной культуры океанийцев утрачена. Алармизм по этому поводу дело неблагодарное, отметим лишь, что даже у такого, ныне аме- риканского, штата как Гавайи, где доля коренного населения не превы- шает нескольких процентов, на гербе выгравирован девиз на гавайском языке: "Ua Mau Ke Ea O Ka Aina I Ka Pono" ("Жизнь земли увековечена в справедливости"). Интерес к жизни своей земли и предков не утрачен окончательно. Хотелось бы надеяться, что настоящий выпуск, несмотря на узкую направленность отдельных представленных в нем сюжетов, вызовет интерес в первую очередь у "соседей" океанийцев – читателей с тихоокеанских берегов России.

Ю.В. Латушко